

Check against delivery

10 ноября 2015 года

ВЫСТУПЛЕНИЕ
представителя Российской Федерации
в VI Комитете 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН
по пункту повестки дня «Доклад Комиссии международного права о
работе ее 67-й сессии»
(Темы: «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной
уголовной юрисдикции», «Временное применение договоров»)

Г-н Председатель,

С большим интересом ознакомились с очередным докладом г-жи Эскобар Эрнандез по теме **«Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции»**, а также с дискуссией в Комиссии по этому вопросу и подготовленными проектами статей.

Полагаем, что данная тема является одной из ключевых в текущей повестке дня Комиссии.

Прежде всего хотели бы согласиться со Спецдокладчиком и Комиссией в том, что касается базовых принципов применения иммунитета *ratione*

materiae: он распространяется лишь на акты должностных лиц, совершенные в официальном качестве, и не имеет ограничений во времени. В этой связи хотели бы поддержать пункты 1 и 2 проекта статьи 6.

Что касается пункта 3 этого же проекта, то, как представляется, в нем следовало бы указать на применимость к лицам, обладающим иммунитетом *ratione personae*, иммунитета *ratione materiae*, после того как они покидают свой пост. Без такого указания впоследствии может возникнуть вопрос, будет ли к иммунитету, которым обладают представители «тройки» после того, как они покинули офис, применяться правила, разработанные Комиссией в отношении иммунитета *ratione materiae*.

Отдельно хотели бы остановиться на вопросе об определении того, что является «актом, совершенном в официальном качестве».

Разделяем подход Комиссии в том, что это понятие не привязано, к вопросу о разделении актов государства на акты *iure imperii* и *iure gestionis*. Очевидно, что действие, квалифицируемое как акт *iure gestionis*, может совершаться должностным лицом в официальном качестве и таким образом покрываться иммунитетом от уголовной юрисдикции иностранного государства. Не зависит это понятие и от правомерности или противоправности деяния. Как это верно было отмечено в Комиссии, вопрос об иммунитете – процедурный вопрос, который должен быть решен *in limine litis*, до того как противоправность акта будет установлена.

Отмечаем также дискуссию в Комиссии по вопросу соотношения «акта, совершенного в официальном качестве» и критериев присвоения деяния государству. На наш взгляд, проекты статей КМП с комментарием об «Ответственности государства за международно-противоправные деяния» в том, что касается присвоения поведения государству, являются полезным материалом для понимания того, что является «актом, совершенным в официальном качестве». Вместе с тем, наш взгляд, между наличием иммунитета должностного лица и ответственностью государства нельзя

ставить знак равенства. Установление того, действовало ли лицо в официальном качестве является одним из элементов атрибутирования соответствующего поведения государству. Однако тот факт, что должностное лицо совершило акт в официальном качестве еще не означает ответственности государства за это деяние. Как известно, для этого, как минимум, требуется еще установить наличие нарушения обязательства государства по международному праву. Не говоря о том, что существуют обстоятельства исключающие противоправность деяния.

Возвращаясь же тексту проекта статьи 2 (f), где «акт, совершенный в официальном качестве» определяется как «акт совершенный должностным лицом во исполнение государственных полномочий (state authority)». Как верно отмечается в статье 7 статей об «Ответственности государства», лицо, уполномоченное выполнять элементы государственной власти, или орган государства могут действовать в этом качестве даже, когда они «превышают свои полномочия» («exceed its authority»). Как указано в пункте 7 комментария к этой статье «случаи, когда должностное лицо действовало в качестве такового, даже противоправно или в нарушение инструкций, должны отделяться от случаев, когда поведение настолько отдалено от официальных функций, что его следует приравнять к действиям частного лица». Далее приводится цитата из решения Ирано-американского Претензионного трибунала, где речь идет о действиях лица «под маской государственной власти» (cloaked with State authority). В этой связи, как представляется, можно было бы подумать над тем, чтобы переформулировать положение следующим образом: «акт совершенный должностным лицом в контексте выполнения государственных полномочий (state authority)» (то есть вместо слов «in the exercise» использовать слова “in the context of exercising State authority”).

Вместе с тем, на наш взгляд, более правильным подходом было бы исключение этого определения из проекта. Как верно было отмечено в ходе

дискуссий в Комиссии, вопрос о том, что является «актом, совершенным в официальном качестве» не определен в международном праве. Видимо, это произошло не случайно и для эффективного сотрудничества в этой области требуется определенный элемент гибкости. Полагаем, что положение пункта 1 проекта статьи 6 о том, что иммунитет *ratione materiae* должен распространяться на «акты, совершенные в официальном качестве» вполне достаточно для целей статей, особенно если его препроводить подробным комментарием, в котором в более гибкой форме могут быть отражены факторы, имеющие значение для определения актов как совершенных в официальном качестве.

В заключении хотели бы предложить Комиссии сосредоточить внимание следующей сессии на процедурных вопросах, которые играют важнейшую роль в применении института иммунитета должностных лиц.

Господин Председатель,

Переходя к теме **«Временное применение международных договоров»**, хотели бы поблагодарить Специального докладчика за представленный им третий доклад по теме.

Хотим в первую очередь отметить важность уяснения юридической природы института временного применения. Она определяет собой различные аспекты его функционирования, его эффект, и является отправной точкой при рассмотрении процессуальной стороны его использования.

Мы согласны с тем, что существо временного применения состоит в том, что положения международного договора выполняются его сторонами, принявшими на себя обязательство по временному применению, точно так же, как если бы для них этот договор был действующим.

В то же время, полагаем, полезно было бы установить, в чем проявляются особенности института временного применения в сравнении с действием договора. Вступление в силу и действие международного договора, как представляется, следует рассматривать в качестве нормы для

договора, основной формы его существования, того, к чему стороны стремятся при его заключении. Именно действие договора порождает наиболее полные юридические последствия для его участников.

Временное применение само по себе не предназначено для того, чтобы установить стабильные договорные отношения. Однако его целью не является и установление нестабильных договорных отношений. Напротив, временное применение функционально является стадией подготовки к началу действия договора, на которой положения договора применяются «в ожидании» его вступления в силу, с расчетом на это.

Этот характер временного применения подчеркивается не только словами «до вступления договора в силу» в ст.25 ВК, но и, в частности, не очевидной в русском языке, но явно видимой, например, в английском эквиваленте - «provisional» - нацеленностью на наступление следующего события, а именно начала действия договора.

С учетом этого понимание данного института, по-видимому, должно отражать не только собственно временный, то есть презюмируемо не постоянный, характер применения договора, но и его предназначение как фазы в жизни договора, которая имеет своим естественным продолжением вступление договора в силу.

Отсюда вытекают и некоторые вопросы в отношении временного применения: есть ли темпоральные пределы временного применения? Можно ли говорить о временном применении *per se*, если стороны используют этот институт, но не намереваются ввести договор в действие? Можно ли говорить о каких-то качественных изменениях характера временного применения, которое приобрело «постоянный» характер, а вступление договора в силу более не прогнозируется?

Господин Председатель,

Полноценное исследование содержания и эффекта временного применения, как представляется, должно включать максимум возможных его

проявлений. Это касается начала временного применения, соблюдения условий временного применения, их нарушения и его последствий, прекращения временного применения и т.д.

Рады отметить, что Комиссия приступила к анализу действия отдельных положений Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. в преломлении к временному применению. Рассчитываем, что этот анализ получит развитие на следующих сессиях Комиссии и она рассмотрит, в частности, применимость в контексте временного применения таких положений, как ст.17 (Согласие на обязательность части договора и выбор различных положений), ст.ст.19-23 (Оговорки), ст.30 (Применение последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу), ст.41 (Соглашения об изменении многосторонних договоров только во взаимоотношениях между определенными участниками), ст.60 (Прекращение договора или приостановление его действия вследствие его нарушения) и проч.

Полагаем, что изучение законодательства государств и судебных решений как выражения практики государств в данной области может быть полезным в этой работе.

Приветствуем передачу в Редакционный комитет набора руководящих положений по теме временного применения и выработанные проекты трех таких положений. Принимая к сведению решение членов Комитета на данном этапе не упоминать о применимости разработанных положений к договорам международных организаций, мы хотели бы подтвердить, что разделяем мнение о том, что к временному применению договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями применяется, *mutatis mutandis*, тот же правовой режим, что и к временному применению договоров между государствами.